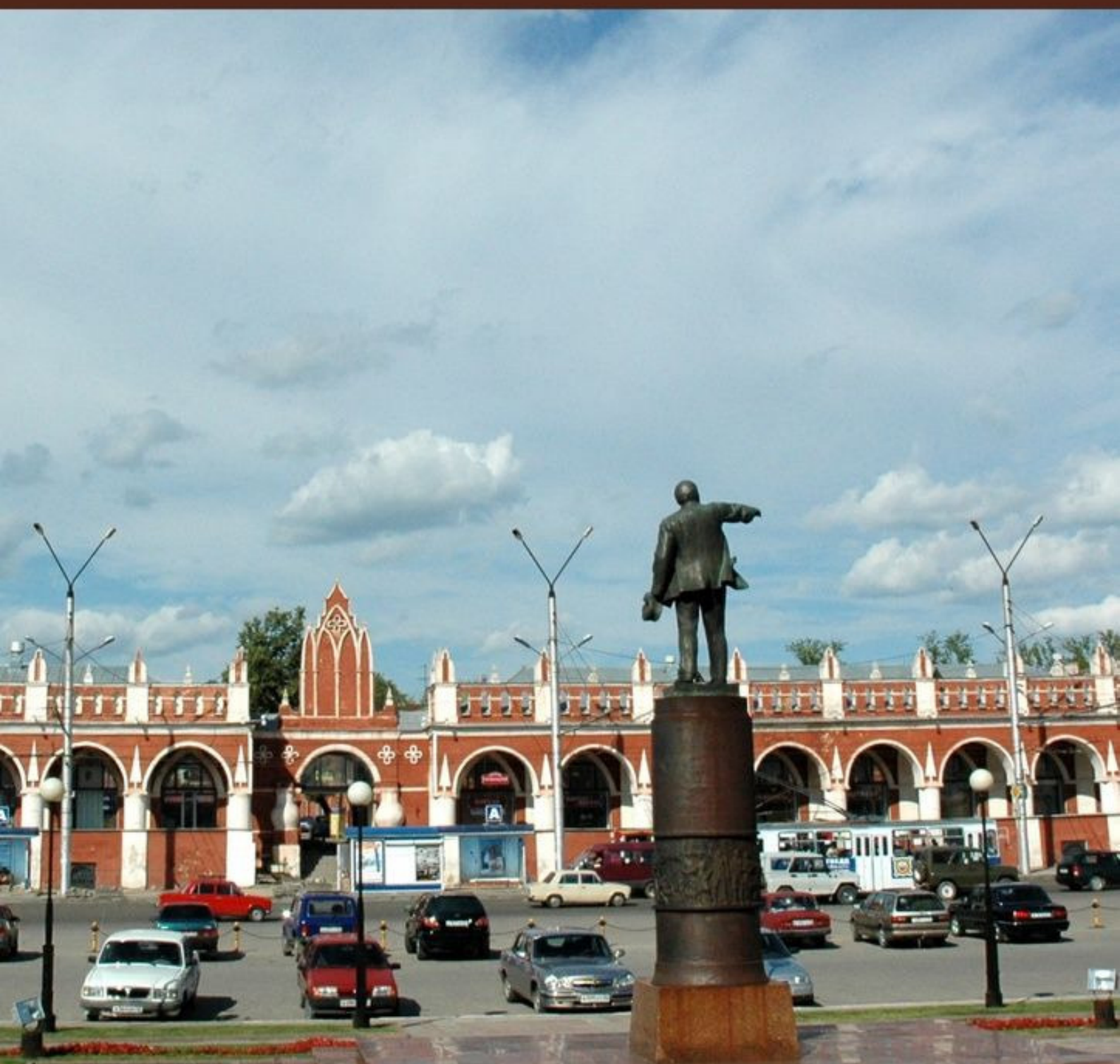

18+

Алексей Митрофанов

Калуга

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

Калуга. Городские прогулки

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Калуга. Городские прогулки / А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906756-2

Калуга — город нереальный. Сколько ни приезжай — все кажется, что это был какой-то странный сон. Ну не может в действительности существовать такой город.

ISBN 978-5-44-906756-2

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Улица Кирова	9
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Калуга

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-6756-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Калуга – город нереальный. Сколько ни приезжай – все кажется, что это был какой-то странный сон. Ну не может в действительности существовать такой город.

Судите сами. Ничем, казалось бы, не примечательная русская провинция вдруг делается цитаделью освоения космических пространств. Почему-то именно сюда из Боровска переводят Константина Циолковского.

А другой ученый с мировой известностью, тоже космист, Александр Чижевский? Не чересчур ли для небольшого городка?

Простые калужане думают, что нет, относятся к такому феномену как к чему-то само собой разумеющемуся. Потому в магазинах на центральных улицах в одном ряду с шампунями, электроутюгами и посудой стоят «люстры Чижевского» и никого не удивляют.

А неширокие горбатенькие переулочки, которые выводят пешехода в самые неожиданные части города и никогда почти что не пересекаются друг с другом под прямым углом? А дома, стоящие на этих улочках – архитектуры странной, сумасшедшей, неземной? А глубочайший овраг, перерубающий Калугу в самом центре на две части? А древнеримский мост в пятнадцать арок, переброшенный через овраг?

Вам этого мало? Тогда поезжайте в Калугу, продолжите список.

* * *

Первое упоминание о Калуге относится к 1371 году. После чего о ней на время забывают и, по большому счету, вспоминают только в 1606 году, когда Калуга неожиданно для всех становится центром восстания под предводительством Ивана Болотникова.

К тому времени Калуга совершила переезд – ранее город находился выше по реке Яченке, на Симеоновом или Мироносицком городище. Академик В. Ф. Зуев, путешествуя в XVIII веке от Санкт-Петербурга до Херсона, писал: «Городище сие окружено высоким земляным валом с воротами или проездом и глубоким рвом с одной только восточной стороны; с двух же противоположных сторон окружено глубокими буераками и не столь высоким валом, а с четвертой подошел крутой яр, составляющий берег реки Яченки, на котором также виден небольшой вал. В середине оного находятся некоторые ямины, довольно глубокие, но ныне заросшие, которые положением своим одна подле другой кажутся оставшиеся после погребов. Фигура сего городища продолговато-четырёхугольная; в длину оно имеет 310 больших шагов, а поперек 150; от вала видны были раскаты, по углам башни, и с трех сторон проезды или ворота. Из ям одна тройная, глубокая, расположена поперек городища, и недалеко от оной имеется другая о четырех ямах и расположена по длине городища».

Да, что касается вопросов безопасности, старое место было несколько удобнее. Но развитию города больше способствовало расположение на судоходной Оке.

Спустя столетие Калуга украшается настолько, что способна в полной мере очаровать заезжего туриста. Один из них, московский батюшка Иван Лукьянов в 1700 году восхищался: «Град Калуга стоит на Оке реке, на левой стороне, на горе, высоко, красовито; немного таких городов в Московском государстве. А города нет; был деревянный, да сторел, только башня

одна с проезжими воротами осталась. А церквей в нем каменных – 11, деревянных – 18. Жильем зело пространен; люди зело доброхотны; приволен зело хлебом и овощом и лесом всяким и дровами доволен; другова поискать такова города в Московском государстве; площадь торговая зело хороша, рядом такожде много, торговых людей весьма много и зело проходцы в чужия земли с купецкими товары: в Сибирь, в Китай, в немецкия земли, в Царь-град».

В 1708 году город вошел в Московскую губернию, а в 1776 году повысил свой статус – было образовано Калужское наместничество. В должность заступил первый калужский губернатор – М. Н. Кречетников. Город преображался на глазах. Исследователь П. С. Щепетов-Самгин писал о том времени: «Возведено было много новых красивых каменных зданий, изменено направление улиц, которые сделались широкими и прямыми, исключая весьма немногие, оставшиеся в прежнем виде; некоторые церкви перенесены на другое место. Ветхие казенные дома старого острога – гауптвахта, канцелярия, воеводский дом – были сломаны, и вместо них по линии от Покрова к рядам, против собора, выстроено огромное двухэтажное здание присутственных мест в виде буквы П, вчерне стоившее казне 200 000 руб., а на месте воеводского дома – большой деревянный дом для наместника. Старые деревянные лавки перенесены были на хлебную площадь, а вместо них выстроен каменный гостинный ряд в готическом стиле. Мясные ряды переведены в Березуйский овраг, а кузницы... к Московским воротам. Московская улица проложена вновь по тому направлению, по которому идет ныне. Поперек города, с запада на восток, проложена Садовая улица, оканчивающаяся двумя круглыми площадями».

Фундаментальнейший комплекс Присутственных мест выстроен был в 1785 году, а в 1788 появился не менее масштабный Гостинный двор. В 1796 году определяется окончательный статус Калуги – центр Калужской губернии. Вскоре после этого в городе появляется прекраснейший архитектурный памятник – дом Золотаревых (ныне – краеведческий музей). А «Большой географический словарь Российской империи» за 1804 год дает Калуге лестное определение: «Жители города Калуги наибольшую частью торговые люди, и хотя не все зажиточные, однако малым промыслом купно взирая на изобилие и дешевизну съестных припасов, живут весьма довольно. Народ весьма здоровый, постоянный, честной и спокойный, женский пол чист, здоров и тих».

(Последнее, пожалуй, можно считать эталоном женственности того времени.)

Тогда же в калужском журнале «Уrania» появляется запись: «Ныне сей город весь почти выстроен по опробованному плану весьма порядочно; улицы расширены, а некоторые вновь проведены, которые, будучи большею частию открыты к рекам Оке и Яченке, очищаются от городских испарин, доставляя городу чистый воздух, делая чрез то в оном здоровый для жителей климат; а бдение полиции и исправность пожарных инструментов сохраняют город от свирепости пожаров... Ощутительно калужане с 1777 года переменили как образ мыслей, так и в поступках, и в обхождениях приметно восприяли совсем новое образование: самая одежда, экипажи, пища, пиры и увеселения появились в новом вкусе».

В 1809-м в Калуге появляется целая сеть богоугодных заведений Хлюстиных – явление по тем временам уникальное. Да и по нынешним – тоже. Калуга продолжает хорошеть. Гоголь даже сравнивает город с излюбленным своим Константинополем. Николай I называет Калугу «бесприданной красавицей». А Иван Аксаков пишет: «Что за чудное местоположение Калуги, особенно теперь, при разливе Оки».

В середине девятнадцатого века украшению города здорово способствует правление губернатора В. Арцимовича (везло Калуге с губернаторами). «Кто помнит Калугу до и после управления Арцимовича губерниею, тот может засвидетельствовать, до чего скучен и пуст был наш губернский город в эти два окольные периоды и каким оживлением отметилось это промежуточное, светлое и короткое время, – писал один из современников, П. Обнинский. – Сонный город проснулся, оживился; он стал думать, говорить, действовать, спорить и совещаться в той области человеческого общения, которая живет высшими и чужими интересами, обществен-

ными идеалами и нуждами, в которой работают умы и бьются сердца в приподнятом настроении, в которой нет ничего пошлого, злободневного, своекорыстного и узкого, в которой растет и очищается душа человеческая. Сколько новых интеллигентных сил появилось в городе на поприще государ-ственной и общественной службы, как содержательна и интересна сделалась „неофициальная часть губернских ведомостей“, какие жизненные темы завладели беседами в свободный вечерний час! Все ожило и работало вокруг, и воскрешенный обыватель уже не мог оставаться изолированным в этом бодрящем, заразительном и обновляющем движении. Какой-то облагораживающий отпечаток лег на всех и на всем».

Разумеется, не все было так радужно. Оказавшийся в Калуге публицист-народник Н. В. Шелгунов в 1869 году рассказывал: «Есть под Калугой слобода Подзавалье. Хотя она в админи-стративном отношении подчинена 5-му кварталу 1-й городской части, но слобода эта все-таки не часть города, а деревня, тяготеющая к городу экономически и исключительно им живущая. В Подзавалье более 100 дворов и 70 из них живут исключительно сапожным ремеслом. Всех сапожников, взрослых и подрастающих, считается в Подзавалье более 250 человек. Сапожная статистика Подзавалья дает следующие цифры: каждый сапожник может сшить в неделю три пары сапог, а в год не больше 140, следовательно, все Подзавалье сошьет 35 000 пар. Каждая пара дает чистой прибыли от 50 коп. до 1 руб., следовательно, вся чистая прибыль составляет от 17 500 руб. до 35 000; а на каждого отдельного сапожника приходится в год от 70 до 140 руб. Уже из этих цифр видно, что экономическая сторона подзавальского производства не особенно блистательна... Большинство сапожников переколачиваются изо дня в день: чего сегодня выручил, то и проел. Это заставляет их продавать сапоги в лавки или же прямо работать по заказу лавочников, получая от них товар. Лавочная плата 70 коп. с пары, но на каждую пару сапожник делает расходы копеек 20 – гвозди и очищается ему 50 коп... Есть семейства, в которых на одного взрослого мастера приходится трое-четверо ребятишек, которых нужно кормить... Положение таких семейств самое печальное, ибо чем человек беднее, тем все достается ему дороже».

Но экономические трудности случаются во все эпохи и при всех правителях.

В 1876 году Калуге делают очередной комплимент. Автор его – человек с тройной фамилией, князь Александр Петрович Оболенский-Нелединский-Мелецкий. В «Хронике недавней старины» он искренне восхищается: «Город очень красив, улицы камнем вымощенные, широкие, строения много каменного; два купеческих дома такие, что были бы хороши и в Петербурге. В одном из них жила Императрица, а другой назначен был для покойной Елизаветы Алексеевны. В первом (я внутри не был) убранство главной комнаты стоило хозяину, купцу Золотареву, сказывают, 10 000 рублей... На главных улицах тротуары; аллея, обсаженная деревьями, для гулянья; мост каменный и широкий, одним словом, все хорошо, что едва ли есть другой столько же хороший губернский город».

В 1887-м введен в строй водопровод – довольно рано по российским меркам. В 1892 году из Боровска в Калугу переводят учителя математики Константина Эдуардовича Циолковского. С этого момента начинается «космическая» слава города – со всей страны съезжаются ученые исследователи и просто любопытные, желающие поглядеть на «чудака, открывшего причину космоса».

В 1912 году калужский краевед Дмитрий Малинин описывал, как постепенно «раскрывается» город путешественнику: «Приближаясь к Калуге из Москвы... уже со станции Калуга-товарная можно видеть городские строения. Но Калуга с этой стороны лежит на ровной местности, почему и не производит никакого впечатления. Картина совершенно меняется, когда поезд идет с товарной станции к пассажирскому вокзалу по возвышенной насыпи, пересекая три улицы. Тогда виднеется значительная часть Калуги, раскинувшейся на далекое пространство пестрым узором, посредине которого там и здесь мелькают высокие шпили красивых колоколен церквей. Но не успел еще зритель достаточно всмотреться в живописную картину, как уже

мелькают вокзальные здания, и поезд останавливается у обширного двухэтажного вокзала. Это новый Калужский вокзал, построенный в начале XX в. ... Прежний же, небольшой вокзал лежит за путями, против нового вокзала, и теперь в нем помещается несколько отделений железнодорожного училища. Новый вокзал представляет собою большое, обширное каменное на высоком фундаменте здание, со стороны подъезда скомпонованное в трех корпусах, расположенных в известной симметрии. Построен он в смешанном стиле, столь характерном для modern'a, и бросается в глаза некоторой вычурностью. Вокзал очень поместителен и вполне обслуживает потребности пассажиров».

А Ю. и З. Шамурины писали в 1914 году: «Лучше чем всяческие теоретические доказательства, Калуга разбивает установившееся крепко мнение, что провинциальный город – обиталище скуки, собрание нелепых домов, похожих на казармы или ящики, грязных кривых улиц и переулков... Расположена Калуга по берегу Оки, на высоком косогоре. С противоположного берега, также высокого, красива панорама города со светлеющими среди деревьев главами колоколен и церквей, с невысокими домами и протекающей по глубокой долине Окой. В городе хороши правильно распланированные в Екатерининские времена улицы, сады, бульвары, поросшие вековыми деревьями овраги, так неожиданно и красиво нарушающие строгую планировку улиц, придающие городу живописный и уютный вид».

В 1915 году в Калуге появились сразу два автомобиля: один – у губернатора, второй – у председателя окружного суда.

* * *

Увы, в советское время Калуга несколько теряет лоск. Или требования меняются? Эпидемиолог Ю. Вусович пишет в 1930-е: «Калуга производит впечатление заброшенного „беспризорного“ города – скверные тротуары и мостовые с провалами и ямами, разрушающиеся дома и крупные общественные здания (например, прекрасное по архитектуре здание Гостиного двора), поваленные заборы, свалки мусора даже у общественных мест (под городским садом) и по оврагам дают такое впечатление от теперешней Калуги».

Но уже в 1961 году К. Паустовский признается: «В своей жизни я видел много городов и у нас, в Советском Союзе, и на Западе, но ни один город не произвел на меня такого впечатления, как Калуга. Впечатления чего-то родственного, очень культурного и очень русского».

Красота этого города, тонущего в весенней листве пышных садов, великолепие его архитектурных ансамблей и исторических памятников, его оживленная культурная жизнь и широкое развитие промышленности – все это создает хорошую питательную среду для воспитания новой и передовой молодежи».

Город реабилитирован. И овеян космической славой. Ведь тогда же, в 1961 году Гагарин вышел в космос. И в связи с этим событием вспомнили о Циолковском.

Не удивительно, что в 1967 году именно здесь открывают Музей истории космонавтики, присваивают этому музею имя Константина Эдуардовича и начинают принимать туристов уже не со всей страны, а со всего земного шара. С этого момента город окончательно приобретает статус родины всемирной космонавтики.

Улица Кирова

Самая оживленная, освещенная и жизнерадостная – улица Кирова, в прошлом Большая Садовая (скорее всего, названная так из-за садов), или Мироносецкая (по церкви Жен Мироносиц), или Теренинская (в честь богатого купца Теренина). Почему так вышло? Почему именно Киров и именно в Калуге? Какая эзотерическая ниточка связывает первого секретаря Ленинградского губкома партии с городом, где он, похоже, никогда и не бывал? Непостижимо.

Улица примечательна также в градостроительном смысле. В одном из путеводителей дано точнейшее описание: «Всякий, кто мог бы посмотреть на наш город с высоты птичьего полета, обратил бы внимание на гигантскую двухкилометровую гантель, протянувшуюся с востока на запад и образованную улицей Кирова и двумя круглыми площадями на ее концах Победы и Мира».

Так и есть: главная улица Калуги упирается концами в две огромные круглые площади. Добро пожаловать на главную калужскую «гантель».

Начинается она с площади Мира. До 1941 года здесь находился калужский театр, а сейчас – памятник Циолковскому, на закладке которого присутствовал сам Сергей Павлович Королев.

С театром связана одна занятная история. В 1775 году Екатерина Великая приехала в город знакомиться с жизнью своих верноподданных. Год случился неурожайный, однако наместник Иван Никитич Кречетников распорядился, чтобы по краям дороги, по которой следовала матушка-императрица, стояли копны сжатого хлеба. Триумфальные ворота, поставленные в честь того события, украсили ржаными и овсяными снопами.

Екатерина Великая прознала про обман и изъявила желание посетить городской театр, притом потребовала, чтобы актеры сыграли комедию Я. Б. Княжнина «Хвастун», как раз и обличающую пускание пыли в глаза высокому начальству. Преподавала, так сказать, изящный урок.

Тогда театр еще находился на улице Тульской (нынешней – Кутузова), где размещался в бывшем частном доме, пожертвованном одним купцом. Вскоре дом обветшал, и новое здание было возведено на Сенной площади (теперь – Мира). В 1836 году он сгорел, какое-то время спектакли давали в Загородном саду, но в середине столетия для театра снова отстроили помещение, все на той же Сенной. Спустя 9 лет сгорело и оно, и в 1875 году появилось еще одно, весьма фундаментальное, на том же месте. А площадь переименовали в Театральную. Здесь играли Федотова, Яблочкова, Дальский и иные знаменитости той эпохи.

Калужский театр отличался прогрессивностью. Здесь, например, давали грибоедовское «Горе от ума». Правда, удалось устроить только два спектакля. После чего губернатор Смирнов получил из столицы депешу: «С разрешения г. генерал-адъютанта гр. Орлова имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство приказать означенную пьесу как воспрещенную по Высочайшему повелению для представления на провинциальных театрах, немедленно исключить из репертуара Калужского театра, и с тем вместе не благоугодно ли будет Вам, милостивый государь, сделать распоряжение, дабы на театре не было представлено пьес без предварительного разрешения оных цензурой III отделения».

Что поделаться? Пришлось подчиниться.

«Ревизора», впрочем, ставили свободно. В частности, в 1846 году в Калугу прибыл на гастроли актер М. С. Щепкин. Тут же оказавшийся И. С. Аксаков сообщал в письме: «Вечером отправился в театр... Давали „Ревизора“. Щепкин играл по обыкновению очень хорошо».

Все-таки избирательна была цензура того времени.

* * *

Перед театром располагалась биржа калужских извозчиков с выборным старостой, который собственно извозом не занимался, а только лишь следил за выполнением простейших цеховых законов. Главный из них касался очередности обслуживания. Определялся он по жребию – каждый извозчик клал в головной убор свою помеченную денежку (к примеру, гнутую или надломленную), и староста по очереди вслепую доставал из шляпы эти своеобразные «фанты».

За нарушение полагалось наказание, накладывалось и приводилось оно в исполнение незамедлительно – староста бил провинившегося извозчика кнутом по спине.

* * *

Однако не только театр и биржа заполняли это место. В 1895 году на Сенной разбил шатер зверинец рижского антрепренера Клейберга. Калужане с удовольствием смотрели на диких животных, которые демонстрировали братья меньшие. Особенное впечатление производили дрессированные львы, понукаемые дрессировщиком Г. Бурчинелли. Он клал своему воспитаннику голову в разинутую пасть, чем приводил в ужас трепетных калужанок. Но ведь кроме калужанок есть еще и калужане. Один из них, конюх Семен Кузнецов забузил:

– Не верьте! Вас обманывают. Никакой это не Генрих Бурчинелли, а Юрка Буртыкин. А лев – вовсе не лев, а типа кошки, только великан. Сейчас я ему покажу.

И просунул руку в клетку. А лев, не будь дурак, начал ту руку пережевывать. Один студент, присутствующий при этом колоритном зрелище, скончался от разрыва сердца. Все остальные получили массу эмоций.

Поддержание порядка в зале – особая история. Полицейские, судя по всему, проявляли такую бдительность и рвение, что приходилось их даже останавливать. В частности, в 1893 году калужский полицмейстер издал такое указание: «Его Сиятельство г. Начальник губернии изволил приказать, чтобы в мое отсутствие в театре дежурный пристав занимал бы мое место в первом ряду кресел, а не в столе, если же я лично присутствую в театре, то пристав занимает свое место, но все-таки не остается в фойе или буфете во время представлений, а лишь во время антрактов обходит коридоры и прочие помещения, наблюдая за порядками, с поднятием же занавеса садится на положенный ему по контракту стул 4-го ряда у прохода. Предписываю точно соблюдать мои указания».

Видимо, «Начальнику губернии» до смерти надоела рожа пристава, то и дело появляющаяся то в дверях зрительного зала, то среди кулис.

Тут опять же вышел перекосяк, приставы расслабились чрезмерно. Спустя четыре дня последовало новое распоряжение: «Во время представления пьесы «Блуждающие огни» имел место случай, который мог окончиться очень печально, и только благодаря смелости пожарного служителя 2 части Смирнова не произошло пожара. На подъемной верхней рампе одна из ламп распаялась (от загрязнения горелки). Керосин весь вспыхнул и стал падать на сцену в виде огненных хлопьев, очевидно, и немногочисленная публика, и дежурный помощник Пристава думали, что это так следует по ходу пьесы, но когда я, быстро пройдя за кулисы, увидел, что произошло, то ужаснулся: лампа пылала на большой высоте между несколькими висящими декорациями, и до нее можно было добраться только по колосникам (тонкие бруски), рискуя свалиться».

Пожарный Смирнов быстро сбежал по бруску и, ухватясь за веревку, шапкою и руками погасил огонь. Смирнову назначаю в награду три рубля, а ламповщика предписываю привлечь к ответственности».

Так недавний наказ не усердствовать и соответствующее название пьесы – «Блуждающие огни» – усыпили внимание полиции.

* * *

Главной же заботой полицейских (применительно к театру, разумеется) оставался надзор за репертуаром. И время от времени полицмейстер выговаривал режиссеру: «На первых трех

представлениях товарищества артистов под Вашим управлением мною было замечено, что комики (особенно Дмитриев) позволяют себе прибавлять очень много фраз, которых в текстах пьесы нет, имея в виду, что по существующим законоположениям это, безусловно, воспрещается. Считаю необходимым предупредить Вас, милостивый государь, чтобы на будущее время артисты не прибавляли от себя ничего, а в костюмах и игре не выходили из рамок приличия под страхом ответственности по суду и совершенного прекращения спектаклей».

Можно, конечно, предположить, что полицмейстер-самодур, дабы подстраховаться (да и власть свою продемонстрировать), придрался к фразам, которые иной и не заметил бы, но что-то подсказывает – не так все просто. А упоминание «рамок приличия» и вовсе наводит на мысль, что господин Дмитриев был тот еще скабрёжник.

С 1911 года, по словам краеведа Д. Малинина, площадь начали приводить в культурный вид. Вместо возов с сеном и контаря (своеобразного безмена. – АМ) разбили сквер для прогулок.

Но не так страшен был контарь, как всевозможные общественные беспокойства. В начале двадцатого века театр стал ареной не только сценической, но и политической. Калужский губернатор А. А. Офросимов сообщал директору Николаевской гимназии и председателю педагогического совета женской гимназии Н. В. Панкратову: «1905 г. ноября 22. Секретно. Воспитанники калужских средних учебных заведений, после происходивших 22 и 23 минувшего октября беспорядков в г. Калуге, прекратив хождения свои толпами с красными флагами по улицам города, за последнее время опять стали вести себя вызывающе. Так, 18 сего ноября в городском театре, где не было ни одного надзирателя учебных заведений, ученики после 4-го акта шумно требовали играть марсельезу, что, однако, не было исполнено. После спектакля, расходясь по Садовой улице, ученики пели революционные песни и, видя, что это для них безнаказанно, 20 ноября позволили себе вновь произвести беспорядки, а именно: около шести часов вечера на Никитской улице группа учащихся, человек 30—40, запела революционные песни. На место немедленно был выслан разъезд казаков...»

Но не в панкратовских силах было остановить революцию.

Кстати, несмотря на склонность калужан к бунтарству, футуристов Маяковского и Большакова откровенно прокатили. «Калужский курьер» сообщал, что на их выступления с лекциями и стихами публика отреагировала «холодно и до преступности безразлично. Мало того, что на две объявленные лекции публика не захотела оказать честь гастролерам, но и собравшиеся в количестве 3—4 десятков человек на первой лекции ничем не реагировали на вызов футуристов... На вторую лекцию пришло десятка два. Игра не стоила свечей, и футуристический спектакль, то бишь доклад, подлежал отмене. И только благодаря любезности лично присутствовавшего в театре г. Чукмалдина, принявшего на себя убыток, вторая лекция состоялась. Она прошла более оживленно, нежели первая... Он (Маяковский) импонирует хорошей дикцией и плавностью речи. В тоне слышится убежденность, сплетающаяся с самообожанием... Маяковский просто... не признает авторитетов и для него старые классики – обуза, которую надо снять с плеч современности во что бы то ни стало... „Я диктую России законы поэзии“. „Я учитель, и вам у меня, а не мне следует у вас учиться“».

Словом, поэт Маяковский в своем выступлении лишь подтвердил репутацию «прославленного футуриста из стаи московских скандалистов». А Большаков – так и вовсе «скромный юноша, закатывающий глаза и захлебывающийся от упоения в передаче футуристической поэзии».

Директор калужской гимназии писал полицмейстеру: «Имею честь довести до вашего сведения, для зависящих с вашей стороны распоряжений, что учащимся г. Калуги закрыт доступ на 12 и 13 апреля в городской театр на лекции футуристов К. Большакова и В. Маяковского».

То ли дело – фокусы со львами.

* * *

Вскоре власть «переменилась», и вместе с нею изменилась жизнь театра. Спектакли стали ставиться другие, события же начались ранее немыслимые. Например, однажды подошел к директору вооруженный человек и протянул ему бумагу. В той бумаге значилось: «Дирекции Гор. театра. Президиум Совета Раб. С. и К. Депутатов поручает предъявителю сего тов. Ассен-Аймеру в гор. театре вечером 30 дек. с. г. организовать спектакль или бал-маскарад со сбором в пользу невинно расстрелянного отв. Гордиенко за политические убеждения. Президиум предлагает Вам принять меры к тому, чтобы в этот вечер гор. театр был предоставлен в распоряжение названного товарища для указанной цели. Президиум предлагает товарищам артистам помочь своим выступлением в этот вечер за вознаграждение по согласованию с устройтелем вечера тов. Ассен-Аймером».

Несмотря на дикость «предложения», отказаться было невозможно. Естественно, артистам ничего не заплатили, ограничились лишь благодарностью от имени Реввоенсовета.

Увы, в 1941 году сгорел и этот театр (он был, кстати, деревянный). Новое здание, уже из кирпича, выстроили на новом месте, а на площади установили памятник Циолковскому, на постаменте – знаменитое высказывание: «Человечество не останется вечно на земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет все околосолнечное пространство».

* * *

Слева – самая крупная в городе гостиница, справа еще совсем недавно возвышался кино-театр с типично калужским названием «Космос». Кстати, культурные традиции площади (точнее, сквера) Мира имеют весьма завидный стаж. На месте «Космоса» раньше стоял дом некогда Мартынова, в котором с 1909 года действовал Литературно-художественный кружок. В нем участвовали далеко не последние люди страны, в частности детский писатель Смирнов, автор некогда культовой повести «Джек Восьмеркин – американец».

А комплекс зданий под номером 9 – бывшие Первая полицейская и Первая пожарная части (впрочем, пожарные автомобили базируются тут и по сей день). Вопреки логике и ожиданиям, содержался тот комплекс весьма безобразно. Полицмейстер Е. И. Трояновский жаловался городскому голове: «Имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего о командировании господина городского архитектора для тщательного осмотра крыши на здании 1 части и определения причины постоянной ее течи при бесконечных, но бесполезных починках. Помимо особого одолжения, которое Вы окажете лично мне, приказав устранить эту неисправность, переделка крыши нужна настоятельно для сбережения городского здания. Это единственный дом в городе (из тех, которые я знаю), где крыша течет 14 лет постоянно и приходится во время всякого сильного дождя выносить всю мебель в коридор, спасать рояль, подставляя все ведра и тазы, а так как при этом две горничные не успевают собирать в ведра воду с окон при боковом дожде с ветром, то приходится всем членам моей семьи принимать участие в спасении имущества и хорошего пола в приемных комнатах. Надо полагать, что очень скоро провалится и весь потолок, который не мог не сгнить».

Кроме того, прошу попутно приказать осмотреть и переделать единственную кладовую в моей квартире, которую я освободил от имущества еще зимою, так как г. архитектор вполне справедливо предупредил меня о возможности ее падения вследствие образовавшихся сквозных трещин, постепенно увеличивающихся».

Личная кладовая не должна никого удивлять. Ведь служебная квартира полицмейстера располагалась здесь же, в помещениях Первой части.

* * *

Обязанности здешних полицейских описать трудно, чего только в них не входило! И «за неисправное содержание тротуаров неупустительно составлять протоколы для привлечения виновных к ответственности». И «усилить наблюдения за чисткой дымовых труб».

И активно пресекать «всякого рода восхваление преступного деяния, равно как распространение или публичное выставление сочинений либо изображений, восхваляющих такое деяние».

На все сил не хватало. Как-то раз, к примеру, губернатор города Калуги князь Николай Дмитриевич Голицын, проезжая по одной из улиц, увидел полицейского, который тщетно пытался выудить из лужи пьяного согражданина. А рядом с ним вовсю шумела драка.

Ясное дело, что Голицын выскочил из экипажа и устроил полицейскому приличествующую моменту выволочку. На что тот спокойно ответил:

– Ваше сиятельство, так я же этим, в луже, раньше занялся, чем те начали. Ну не разорваться же мне. Отволоч бы в сторонку, а уж затем... Сами знаете, ваш сиятельство, у нас не забалуют-с!

Голицын плюнул и поехал дальше. А добравшись до резиденции, направил городскому голове Цыпулину письмо: «Полиция не соответствует требованиям города Калуги, чему служат доказательством безобразия на улицах, совершенные в последнее время смелые кражи со взломом, оставшиеся, несмотря на мои личные настояния, без обнаружения виновных. Преподав полицмейстеру некоторые общие руководства и указания по исполнению чинами городской полиции своих обязанностей, я тем не менее не могу отнести всецело к вине состава этой полиции такое неудовлетворительное положение служебной деятельности их, а усматриваю, главным образом, недостаточность комплекта городских и несоответствие современным требованиям штатов чинов гор. полиции».

Писатель Борис Зайцев вспоминал совсем уж отвратительное зрелище: «Мне было одиннадцать лет, я носил ранец и длинное гимназическое пальто с серебряными пуговицами. Однажды, в сентябре, нагруженный латинскими глаголами, я сумрачно брел под ослепительным солнцем домой, по Никольской. На углу Спасо-Жировки мне встретился городской. На веревке он тащил собачонку. Петля давила ей шею. Она билась и упиралась...

– Куда Вы ее тащите?

Городовой посмотрел равнодушно и скорей недружелюбно.

– Известно куда. Топить.

– Отпустите ее, за что так мучить...

Городовой сплюнул и мрачно сказал:

– Пошел-ка ты, барин, в...

Я хорошо помню тот осенний день, пену на мордочке собаки, пыль, спину городского и ту клумбу цветов у нас в саду на Спасо-Жировке, вокруг которой я все бегал, задыхаясь от рыданий.

Так встретил я впервые казнь. Так в первый раз я возненавидел власть и государство».

Знаменитый баснописец Иван Андреевич Крылов, в отличие от той собачки, чудом избежал расправы со стороны здешней полиции. Он сидел в каком-то кабачке и играл в карты. Поначалу выигрывал, потом перестал. Спустил весь выигрыш, затем все, что при нем было. Деньги небольшие, «карманные», но все равно обидно.

Иван Андреевич не являлся заядлым игроком, потому патологического желания во что бы то ни стало отыграться не испытывал. Вылез спокойненько из-за стола, да и вышел во двор. И тут увидел, как подъехала кибитка с несколькими людьми в длинных плащах. По звучащим переговорам стало ясно: это полицейские, нагрянувшие в кабачок с облавой на картежников.

Крылов тихонечко, дворами-переулочками улизнул и, выйдя на другую улицу, уже в открытую направился к себе домой.

А не отвернись от него вовремя фортуна, нажил бы куда больше неприятностей, чем проигранная мелочь.

* * *

Калужская полиция еще задолго до правления Голицына была довольно далека от идеала. Один из его многочисленных предшественников, А. Г. Казначеев писал: «Полиция по своим способностям, направлению и образу действий обнаруживала во всем непризнание действий жизни и пригнетала ее формами. Оплачиваемая недостаточно сравнительно с новыми учреждениями, заваленная делами, отпиской, а более всего соблюдением ничего не гарантирующих формальностей, она преимущественно заботилась о них как о лучшем средстве обеспечить себе безответственность... Во всех делах первым вопросом представлялся, как бы отстранить дело или ходатайство под предлогом отсутствия какой-либо требуемой законом формальности?.. Во всем старание угодить начальству, влиятельным и нужным лицам. В пользу последних допускались отступления от формальностей, для всех других непреодолимых. Не говоря уже о распространенном повсюду взяточничестве, казнокрадстве и карьеризме... Об обязанностях, долге и общественной пользе никто не заботился».

Казначеев лично выступал перед полицией:

– Прежде всего, конечно, требуется честность, полная, безграничная честность. Затем нужно постоянно помнить, что полиция существует для обывателей, а не обыватели для полиции... Касательно исполнения дел вообще, я не допускаю так называемых отписок... Нужно дело, нужно действительное исполнение. Сказанное мной – не одни только слова. Опыт скоро докажет вам, что я настойчиво требую исполнения выраженных мною условий.

А полицейские, похоже, стояли перед ним, вытянувшись во фунт, и думали что-нибудь вроде «мели, Емеля, твоя неделя».

* * *

Пожалуй, что действительно серьезной и ответственной была лишь работа у сыскного отделения. Для него даже издали соответствующую директиву: «Надзиратели сыскного отделения и городовые обязаны: 1) ознакомиться с планом города и местностью; 2) установить квартиры лиц, занимающихся преступными делами; 3) установить их знакомства и родственные связи; 4) установить лиц, занимающихся покупкой краденого, их местожительство и методы сбыта принятого; 5) должны знать все тайные дома терпимости и лиц, занимающихся тайной проституцией; 6) иметь строгое наблюдение за лицами, освобожденными из разных заключений; 7) по обнаружению лиц, проживающих без паспорта, разыскиваемых судебными властями и занимающихся преступным деянием, задерживать немедленно лишь тогда, когда имеются против него улики; 8) пользоваться всякими слухами и в пределах города таковые негласно поверять; 9) все добытые сведения два раза в день (во время утреннего и вечернего рапорта) представлять начальнику сыскного отделения письменно; 10) в случае получения сведений о нахождении где-либо тайной типографии, бомбы, склада оружия – об этом немедленно и лично докладывать начальнику отделения; 11) отправляясь для розыска (обыска) в дом, надзиратели сыскного отделения должны от местной части брать околоточного надзирателя или городского, смотря по важности обыска, но допускается эта акция и без сообщения – в экстренном случае; 12) составленные протоколы предъявлять начальнику сыска; 13) каждый надзиратель должен иметь записную книжку с отрывным листом (если ему понадобится доставить в сыскное отделение кого-либо, писать в листке имя и адрес и передавать ближайшему городскому для исполнения); 14) надзирателям и городским в удостоверение своей личности иметь при себе билет за подписью полицмейстера и начальника сыскного отделения».

Разумеется, все эти правила в первую очередь касались именно сотрудников сыскного.

* * *

Главной же бедой калужских полицейских было, похоже, финансирование. В частности, в 1910 году до них не дошли деньги, выделенные госбюджетом. В связи с чем исполняющий обязанности помощника полицмейстера Готвальд писал г-ну Разумовскому, городскому голове: «По закону 31 января 1906 года штаты городских Калужской городской полиции изменены с увеличением содержания в размере 13 100 рублей в год. В настоящем году от казны

города пособие на полицию отпущено только 6550 рублей, но и те, согласно требованию МВД, подлежат удержанию в уплату городского долга казне за содержание полиции. Между тем, ввиду того, что еще ниоткуда не поступало дополнительного содержания городовым, израсходованы на этот предмет другие ассигнования, как то: содержание личного состава, канцелярские, сыскные. Так что не имеется сумм не только на выдачу 20 октября жалования личному составу, но даже нечем рассчитывать увольняемых теперь городских. Ввиду изложенного, покорнейше прошу Ваше высокоблагородие сделать распоряжение о взносе в казначейство в мое распоряжение на содержание городских по закону 1906 года 13 100 рублей с получением настоящего отношения».

Удивительно, но пропавшие деньги сумели найти.

Да что там деньги, когда проблемы были буквально со всем. Губернатор Офросимов писал полицмейстеру: «Что касается полицейских будок, то 13 лет назад я застал их еще достаточное количество, стоящих, по большей части, по концам улиц; те будки были старинного восьмиугольного типа с печью посредине, последняя была так велика, что оставляла по сторонам пространство по аршину ширины, занятое нарами, куда ложились спать, жить могли только двое, ночуя по очереди. Все упомянутые будки за старостью и негодностью были уже оставлены, а служили лишь ночными притонами для бездомных гуляк, которые могли быть легко задавлены, почему я потребовал уборки их и замены новыми. Управа предпочла временное назначение квартирных денег по 2 руб. в месяц, оставив только выстроенные новые будки: у Смоленской заставы, у Каменного моста и у дома Губернатора. Желая придти на помощь городу и городовым, я построил на засыпанных мною рву у Мясных рядов и пруда у церкви Жен Мироносиц две новые будки хозяйственным способом без всяких ассигнований со стороны Управы, употребив на это все годное от разобранных старых и все старые телеграфные столбы, отстоявшие к тому времени установленный пятилетний срок. Третья большая будка-казарма на две половины для 8-и городских построена мною же арестантским трудом на углу Нижней Садовой улицы на месте, которое в данное время Дума постановила продать».

Вот такие «будни» полицейских будок.

* * *

Приходилось следить и за нравственностью личного состава. На этот счет 22 декабря 1910 года вышел специальный приказ калужского полицмейстера. В нем для начала велено было выдать к Рождеству старшим городовым по 15 рублей, а младшим по 10. А дальше строго-настрого указывалось, что если кто из городских повадится ходить по домам с поздравлениями, уволен будет без права вторичного поступления в калужскую полицию.

Действительно – сегодня кланяешься, поздравляешь, лебезишь, пьешь вынесенную тебе рюмку смородиновки, закусываешь сушкой, прячешь застенчиво в карман подаренный тебе в честь праздника целковый, – а на следующий день идешь утихомиривать расхулиганившегося по пьяни благодетеля.

Нехорошо.

Спустя несколько лет другой калужский полицейский высказался еще более определенно: «25 сего декабря в день праздника Рождества Христова я буду принимать поздравления чинов полиции с праздником в полицейском управлении до начала литургии. С поздравлениями на квартиру ко мне прошу чиновников полиции не беспокоиться являться. Точно так же и взаимные поздравления с праздником чины имеют принести в полицейском управлении, чтобы не ездить друг к другу по квартирам. Этот обычай уже отжил свое время, и теперь наблюдается стремление в обществе не соблюдать его».

Действительно: семья – семьей, а служба – службой.

* * *

Огромное внимание в городе уделяли внешнему виду полицейских. В частности, в 1884 году калужский губернатор направил в полицейское управление весьма серьезный доку-

мент: «во-первых, что срок введения новой формы обмундирования чинов полиции не указан, а потому форма эта может быть вводимая постепенно, по мере изношения старой;

во-вторых, что по форме обмундирования 10 марта 1867 г. классным чинам полиции были присвоены сюртуки при брюках навыпуск. Ввиду того, что об отмене ношения этих сюртуков в Высочайшем повелении 15 марта 1884 г. не упомянуто, представлялось бы возможным разрешить чинам полиции носить означенные сюртуки при брюках навыпуск, но не во время исполнения служ. обязанностей, равным образом может быть разрешаемо городовым ношение в летнее время кителей и белых брюк, если со стороны гор. общественных управлений не последует возражения относительно принятия на свои средства расходов по заготовлению означ. предметов обмундирования;

в-третьих, что по закону... классные полицейские должности не могут быть замещаемы лицами, не имеющими чинов, почему по новой форме и не установлено для последних особых отличий в плечевых знаках, но если бы представилось необходимым допустить к временному исправлению означ. должностей канц. служителей, то такие лица должны носить... кафтан без плечевых знаков;

в-четвертых, что полицейские приставы, их помощники и полицейские надзиратели должны иметь прибор серебряный, а не золотой, т.к. они хотя и подчиняются уездному полицейскому управлению, но тем не менее по роду своей службы относятся к числу чинов городской, а не уездной полиции;

в-пятых, что снабжение чинов городских полицейских команд амуницією, а в том числе и вооружением... лежит на обязанности городов;

в-шестых, что в отношении определения сроков службы одежных вещей следует руководствоваться действующими в настоящее время по сему предмету правилами».

Возможно, полицейские не на шутку расстроились, когда их заставили сменить загадочный «прибор» – с золотого на серебряный.

А впрочем, не в коня, как говорится, корм. И в 1906 году калужский губернатор ставил полицмейстеру на вид: «Мною замечено, что классные чины калужской городской полиции появляются на улицах небрежно одетыми. Так, например, вчера, 10 апреля, помощник пристава 3 части Данишевский, проходя по городу вместе с приставом 3 части Денисовым, позволил себе надеть фуражку на затылок, и пристав не счел своим долгом заметить это Данишевскому. Ввиду чего предписываю Вашему Высокородию сделать замечание Данишевскому и Денисову, разъяснив им, что высшие чины полиции как в отношении форменной одежды, так и во всем прочем должны служить примером для низших чинов полиции».

А ведь Данишевский всего-навсего хотел придать себе более бравый вид.

Впрочем, губернаторы меняли гнев на милость, как только полицейские и вправду отличались в настоящем деле: «Задержание 16 сего января грабителей казенной винной лавки и обнаружение 17 сего же января тайной типографии в г. Калуге показывают на умелое и постоянное руководство чинами Калужской городской полиции Вашим Высокородием общее, со стороны приставов в районах, им подведомственных. При чем особого внимания заслуживает стойкость и неустрашимость чинов полиции при преследовании грабителей.

Вследствие сего считаю себя обязанным по долгу службы изъяснить вам свою признательность, а приставам губ. скр. Мещерскому, кол. регист. Данишевскому и коллеж. асессору Денисову поручаю Вам объявить мою благодарность.

Надеюсь, что в дальнейшем служба чинов Калужской городской полиции будет продолжаться с той же энергией и успехом, которой отличались до сего времени».

Так что Данишевский мог не только на затылок надвигать фуражку, но и реально обеспечивать порядок в городе.

* * *

И все же с имиджем у здешних полицейских были серьезные проблемы. Полицмейстер Е. И. Трояновский не без досады докладывал своим подчиненным: «В №114 «Губернских ведомостей» появились две статьи о ночных грабежах, траве прохожих собаками, зловонии на Успенской плотине, неисправности Чертова Мостика и вообще несоответствии всей полиции своему назначению. Из докладов Приставов и Помощников и из личных наблюдений я вижу, что появление таких сведений произвело на все население города такое впечатление, какого никто не мог ожидать: началось поголовное глумление над городовыми, их начинают вновь бить, чего не было уже очень давно. Считаю долгом внушить всем чинам полиции, что оценка деятельности нашей принадлежит только нашему начальству, что нельзя падать духом от того только, что в печати появились статьи корреспондентов, которые только и живут тем, что зарабатывают пером. Не следует никому оскорбляться тем, что в статьях таких бывает все раздуто и большей частью голословный набор фраз, рассчитанный на то только, чтобы занять читающую публику. Так и в данных случаях, описанных в корреспонденциях, нельзя же обижаться, что пишущему не хочется ходить по плотине и потому он нашел там трясины; всем моим сослуживцам известно, сколько трудов и собственных средств положено за восемь лет мною для уничтожения бывшей на месте мясных рядов клоаки, которую действительно надо было объезжать по Садовой; теперь плотина втрое расширена, обсажена, ограждена (и даже ограда успела сгнить частью), ров засыпан, засеян травой, засажен деревьями, поставлена будка для городских (образцовая), упорядочена свалка только уличного сора, ежедневно все лето дезинфицируемая целыми бочками газовой смолы. Ну зачем же обижаться на корреспондента, ведь всякий, кто прочтет, оценит правду!

... Число краж растет, хотя все-таки их не так много, чтобы запутаться в розысках, и на это следует обратить все внимание, напрячь все силы, чтобы искоренить воровство! Я прошу всех чинов полиции верить, что заслуги их всегда будут известны Его Сиятельству, нравственный долг мой – заботиться о всех подчиненных. Никто не пострадает безвинно, я всегда готов защитить каждого, не следует падать духом от массы жалоб, поступающих только с целью причинить неприятность. Правое дело всегда выплывет наружу! Христианский долг обязывает терпеливо нести всякую тяготу, а на службе нельзя не иметь неприятностей».

Видимо, есть нечто мистическое в том, что в России отношения между народом и правоохранительными органами никогда не складывались идеально.

* * *

А вообще, если представить себе нравы калужан, то станет ясно – полицейским в этом городе приходилось ой как тяжело. Вот, к примеру, один мемуарчик, написанный Иваном Павловичем Николаевым, лаборантом физического кабинета калужской казенной гимназии: «Мне не раз доводилось видеть, как два человека пожилого возраста – один в крылатке и котелке, а другой в форме ведомства народного просвещения – горячо и громко о чем-то спорят, стоя на проезжей части дороги, чертя доказательства зонтиком на песке. Однажды спор привлек внимание не только прохожих, им заинтересовался городской и поспешил в участок за указаниями. А те двое долго чертили что-то на земле, потом пожали друг другу руки и собрались уже разойтись, но в это время появился запыхавшийся городской. Он приложил руку к козырьку фуражки и, когда спорщики ушли, сообщил собравшимся, что это были „ученый Циолковский и его превосходительство господин директор гимназии Щербаков“, постовой рассказал нам, что в участке получил приказание „не беспокоить их“».

Остается только посочувствовать бедным городовым – с таким-то городским бомондом.

* * *

На месте дома №20 располагался хитроумный дом, построенный после войны с Наполеоном для местного вице-губернатора Загряжского. Хитрость заключалась в том, что дом был деревянным, но с помощью искусно наложенной штукатурки ему придали вид каменного.

Впоследствии в том здании располагалась частная женская гимназия демократически настроенной Марии Ивановны Шалаевой. Эта гимназия была весьма необычной для царской России. К примеру, когда свергли династию Романовых и большинство отечественных педагогов пребывали, мягко говоря, в растерянности, Мария Ивановна действовала на редкость уверенно. Она собрала всех учащихся девочек в актовом зале, выставила перед ними красный флаг и собственноручно исполнила «Интернационал» на рояле.

Увы, дом не сохранился, он был разрушен во время войны.

* * *

Зато несколько далее, по той же стороне находится дом №40 – усадьба Кожевниковых, во дворе которой чудесным образом дожил до наших дней редкостный комплекс деревянных дворовых служб. Сейчас здесь расположена станция неотложной помощи, и угрюмые люди в поношенных белых халатах с тоскою взирают на то, как с годами приходит все в больший упадок этот архитектурно-исторический шедевр. Так что стоит спешить познакомиться с ним.

* * *

А рядом, в доме №42 располагался Художественный кружок – один из культурных центров дореволюционной Калуги. Здесь же проживала Евлалия Павловна Кадмина. Для нее писал романсы сам Петр Ильич Чайковский. Притом не ограничивался музыкой – сам сочинял стихи:

Луначарский называл Е. Кадмину «Кометой дивной красоты», а Иван Сергеевич Тургенев посвятил ей повесть «После смерти», или «Клара Милич». Прототипом главной героини была, разумеется, сама Кадмина: «Наконец, после довольно долгого промежутка, красное сукно на двери за эстрадой зашевелилось, распахнулось широко – и появилась Клара Милич. Зала огласилась рукоплесканиями. Нерешительными шагами подошла она к передней части эстрады, остановилась и осталась неподвижной, сложив перед собою большие, красивые руки без перчаток, не приседая, не наклоняя головы и не улыбаясь.

Это была девушка лет девятнадцати, высокая, несколько широкоплечая, но хорошо сложенная. Лицо смуглое, не то еврейского, не то цыганского типа, глаза небольшие, черные, под густыми, почти сросшимися бровями, нос прямой, слегка вздернутый, тонкие губы с красивым, но резким выгибом, громадная черная коса, тяжелая даже на вид, низкий, неподвижный, точно каменный, лоб, крошечные уши... все лицо задумчивое, почти суровое. Натура страстная, своевольная – и едва ли добрая, едва ли очень умная – но даровитая – сказывалась во всем»

Естественно, жители города госпожу Кадмину обожали.

* * *

А напротив подстанции высится церковь Жен Мироносиц, весьма изящный храм, и вместе с тем – калужский долгострой. Строили ее, все время что-то переделывая, поправляя, на протяжении больше чем полувека – с 1798 по 1851 год. Кстати, при постройке храма мастера использовали семь сотен деревянных свай – поскольку в прошлом до этого места доходил глубочайший Березуйский овраг, и почва тут не отличается особой крепостью.

Здесь же располагался и так называемый Новый торг, специализировавшийся в основном на продуктах – овощи, фрукты и хлеб. Однако продавались тут и всяческие несъедобные товары – лапти, конская сбруя, миски, а также новые и старые велосипеды. Вообще, в Калуге существует нечто вроде культа этого недорогого и практичного средства передвижения. До сих пор в любое время года, при любой погоде можно встретить и младенца, и студента, и даже пожилую женщину, с усердием вращающих педали на калужских крутых улочках.

В наши дни Калуга – город тихий и достаточно свободный от нашествия иногородних продавцов и покупателей. Во всяком случае, крупным торговым пунктом (таким, к примеру, как Москва, Калининград или же Астрахань) его не назовешь. А ведь столетия назад Калуга славилась как раз своей торговой деятельностью.

Голландец Исаак Масса писал в самом начале семнадцатого столетия: «Это... город многолюдный, и в нем всегда шла торговля солью с землей Северской, Комарицкой волостью и другими соседними местами, откуда привозили мед, воск, лен, кожи и другие подобные товары, так что она хорошо была снабжена».

Другой иноземец сообщал европейцам уже в середине того же столетия: «В этой Калуге стоит множество судов, на коих перевозят продукты в Москву; все они покрыты широкою древесною корой, которая лучше деревянных досок».

Краевед Д. И. Малинин при описании здешнего рынка замечал: «За границу калужские купцы ездили в Данциг, Берлин, Лейпциг и др. города, торгуя там мерлушками, юфтью, воском, а оттуда привозили шерстяные, шелковые, бумажные и нитяные товары, галантерейные вещи, фарфоровую посуду и жемчуг – на сумму более 200 тыс. руб., каковые товары они и продавали по городам и ярмаркам Великороссии и Малороссии, в Москве и в самой Калуге. Некоторые купцы из калужан торговали в Польше по городам и местечкам китайкой, чаем, сахаром, перцем, бадьяном, серым имбирем, московским крепком, поясами, сандалом, квасцами, писчей бумагой, холстом, пушными товарами, московскими шелковыми платками, кушаками и шелком на сумму от 30 до 50 тыс. руб. Мещане калужские занимались трепаньем и вязаньем пеньки, чесанием пакли, выделкою веревок; они же работали в каменщиках и штукатурах; нанимались в сидельцы и приказчики. Некоторые же делали с особливим искусством грешное тесто („калужское“), которого продавали на 6 тыс. руб.».

* * *

Калужское тесто на этом торгу занимало особое место. Этот продукт – весьма своеобразный, один из символов старой Калуги – столетие назад был столь знаменитым, что ему даже посвятили целый журнал. Он так и назывался – «Калужское тесто».

Рецепт теста, в общем-то, достаточно простой: «Сухари из чистого ржаного или пшеничного хлеба размалывались в порошок. Полученную сухарную муку всыпали в распущенный на огне сахар, смешивали с патокой и пряностями. Готовое тесто должно быть плотным, тяжелым, хорошо резаться ножом, но не представлять из себя клейкой, тягучей массы и рассыпаться во рту».

Но это, разумеется, основа. Дальше каждый мастер фантазировал как мог.

Тесту посвящались поэтические строки:

Тесто было не зорно подарить своей возлюбленной:

Журнал же «Калужское тесто» вообще не стеснялся в панегириках этому необычайному лакомству:

А житель Ростова Великого, купец А. Титов обвинял это тесто в затворничестве своего приятеля Н. В. Султанова:

Прудково, или же Прудки – село в Калужской области. И, по свидетельству купца-поэта, именно тесто калужское заставило господина Султанова обосноваться в глубинке, презрев светскую жизнь.

Тесто стояло в одном ряду с местными дивами: «В Калуге женщины красавицы писанные, с рязанскими не чета. А к чаю подают здесь хлеб ржаной, патокой с сахаром помазанный, такой нигде не едал, даже в Казани».

В готовом виде тесто представляло собой обычный черный хлеб, но с добавлением разных сиропов. Товар, как говорится, на любителя. Гастрономические вкусы жителей Калуги вообще отличались оригинальностью. Это видно даже по обычным магазинным преysкурантам. Бутылка простой водки, например, стоила около рубля, а вот «Рижский бальзам» – всего 20 копеек. Горожане покупали «этот деготь», только если не хватало денег на «простое хлебное вино» или какую-нибудь там «листовку».

История появления этого теста – одна из калужских загадок. В статистическом описании Калужской губернии (1864 год) значится: «Печение медовых пряников, наподобие вяземских,

принадлежит исключительно Перемышльскому мещанину Беляеву, прозывающемуся также Курилиным. Он приобрел известность эту деланием медового и сахарного теста из сухарей черного хлеба. Тесто это называется Калужским и имеет некоторый сбыт на месте».

* * *

Эта же рыночная площадь изобиловала всякими бесхитростными развлечениями (карусель, «говорящая голова», возможность сфотографироваться, просунув голову в фанерку, с самолетом, на ней нарисованным). Кроме традиционных, общероссийских забав, проходили тут игры сугубо калужские. К примеру, «метание пряников». Правда, метали не пряники, а острый топор. Если игрок перерубал топором пряник, то съедал его в качестве выигрыша. Если же не перерубал, лишался собственного пряника, перед тем выставленного на кон.

Одним из популярнейших аттракционов прошлого была так называемая «медвежья комедия». Она практиковалась в Калуге вплоть до тридцатых годов двадцатого века. Самых известных калужских медведей звали Зоя Ивановна и Мартын Иванович. Не брат с сестрой – просто на более сложные отчества у «комедиантов» не хватило фантазии.

Собственно же «комедия», по большому счету, сводилась к тому, что медведи передразнивали всяческие человеческие действия («как барышни, идя на гуляние, пудрятся», «как барышня стесняется кавалера», «как московские кухарки идут за водой», «как в праздничный день пьяные на базаре шатаются», «как старушка под кустиком отдыхает» и пр.). А заканчивалось выступление борьбой жоака с медведем – зрелищем небезопасным, а потому и особо востребованным завсегдатаями торговых площадей.

* * *

Кроме того, Новый торг являлся главной точкой распространения калужских слухов. А до слухов, а также до всяческих замысловатых примет и обычаев жители города были большими охотниками. Вот, например, отнюдь не полный перечень калужских суеверий, составленный еще в девятнадцатом веке:

«Верили, что духи, или так называемые домовые, откармливали лошадей: приносили им из других домов овес и сено, и лошадей те же духи по капризам мучили, уносили у них корм, по сему суевернейшие в Великой Четверток тихонько ставили для тех духов в слуховых окнах кисель...

Накануне 24 июня женщины и девки сходились на игрища, из мужчин проворнейшие отправлялись искать кладов, над коими, по рассказам других еще суевернейших, являлись будто бы горящие огни...

Посещая малые ярмарки, наприим. в Петров день, кидали в колодезь деньги, зеленый лук, яйца и проч.».

* * *

Здесь же подвизались и калужские юродивые. Ими издавна славилась здешняя земля. Некоторые из них, случалось, делали на сем поприсе головокружительнейшие карьеры. В частности, Митя Коляба. О нем писал Морис Палеолог, посол Франции в Санкт-Петербурге: «Митя Коляба такой же слабоумный, „блаженный“, „юродивый“, как тот, который произносит роковые слова в „Борисе Годунове“. Он родился около 1865 г. в окрестностях Калуги, он глухой, немой, полуслепой, кривоногий, с кривым позвоночником, с двумя обрубками вместо рук. Его мозг, атрофированный, как и его члены, вмещает лишь небольшое число рудиментных идей, которые он выражает гортанными звуками, заиканием, ворчанием, мычанием, визжанием и беспорядочной жестикуляцией своих обрубков. В течение нескольких лет его призывали из милости в монастыре, в Оптиной Пустыни, близ Козельска. Однажды в нем заметили странные приступы волнения с промежутками оцепенения, похожими на экстаз. В 1901 г. его повезли в Петроград, где царь и царица высоко оценили его пророческое ясновидение, хотя они были в то время в полном подчинении у мага Филиппа. Во время несчастной японской войны Митя Коляба, казалось, призван был сыграть крупную роль. Но неловкие друзья впу-

тали его в эпическую ссору Распутина с епископом Гермогеном. Он вынужден был на время исчезнуть, чтобы избежать мести своего страшного соперника. В настоящее время он живет среди небольшой тайной секты и ждет своего часа».

Вот такие царедворцы из Калуги были при императоре Николае II.

* * *

И, конечно, на торговой площади располагались многочисленные кабачки, трактиры и иные общепитовские заведения. «Калужские губернские ведомости» сообщали в 1860 году: «В наших трактирах кушанья готовятся вообще довольно изрядно, надо сказать правду; каждодневный обед там обойдется недешево. Вот цены некоторым порциям, названия которых буквально выписывались из прейскуранта одного из лучших трактиров: щи рублиные алярус 20 к., консоме с пулярдай 20 к., перашки печерские 3 к., говядина бефиштекс по англински 23 к., маришаль ряпчик с шуфлером 35 к., котлет отбифные скартофелью 23 к., антрюме пудинг изсухарей 40 к., рябчик 40 к. и пр.».

Надо полагать, что заведения на этой площади были все же значительно дешевле (цены здесь приводятся по тому времени и впрямь какие-то невероятные). Однако же стилистика меню, скорее всего, оставалась неизменной.

* * *

Несколько далее располагалась одна из главных, пусть и не особенно изящных, достопримечательностей города – громадная даже по нынешним калужским меркам (высота 25 метров) водонапорная башня. Поначалу ее собирались выстроить в калужском Городском саду. Однако подумали и пришли к выводу, что будет более рационально поставить ее несколько повыше. Таким образом, гигантское сооружение украсило не сад, а главную улицу города. И, как ни странно, удачно вписалось между колокольнями церковью Жен Мироносиц и Иоанна Предтечи.

Башню построили в 1887 году, и поначалу ее металлический бак вмещал 14 тысяч ведер, но вскоре его заменили на два новых бака – один на 4 тысячи, а другой на 21 тысячу тех же мер. Венчала башню маленькая будочка пожарного дозорного – в случае, если где-нибудь он замечал огонь или хотя бы дым, то поднимал на башенный громоотвод особый выпел – сигнал для городской пожарной части.

Увы, башню постигла печальная участь. В 1941 году ее взорвали отступавшие из города советские солдаты – чтобы немцам жизнь в Калуге сахаром не показалась.

Сегодня здесь находится областной Драматический театр имени А. Луначарского. А напротив театра от улицы Кирова отходит вниз Театральная (бывшая Облупская) улица. Она – одна из самых живописных в городе. Здесь сохранилось множество старых домов своеобразнейшей архитектуры. Правда, постепенно улица меняется, метр за метром уступая свою самобытность в пользу этаким стандартизованности. Однако до полной потери лица этой улице еще далеко.

Главная же ее достопримечательность – пожалуй, книжный рынок. Он тянется на целый квартал, все время запружен народом, и здесь можно купить литературу на любой вкус. Мало какой из русских городов может похвастаться столь явным признаком начитанности своих жителей.

В доме №48 на углу улицы Кирова и Театральной в первые десятилетия советской власти располагалась весьма характерная для города организация – Воздухоплавательный кружок. Сам Константин Циолковский выступал здесь перед юными кружковцами. А многие из них впоследствии сделали яркую карьеру (маршал авиации, к примеру, или авиаконструктор).

Далее, вниз по улице, двумя рядами идут бывшие калужские магниты веселой и праздничной жизни. В доме №6 располагались сразу три отеля – «Москва», «Звездочка» и «Лондон». В доме №11 – «Столичная», «Крым» и «Кавказ». В доме №13 – «Лихвинское подворье». В доме №14 – постоянный двор Борисова.

Здесь же располагался и универсальный магазин Г. Ф. Софронова, привлекавший калужан такой рекламой: «Выбор – как нигде, цены – ниже, чем везде».

И далее – перечисление товаров:

Шляпы, шапки, фуражки, дамские шляпы, шапки, муфты, горжетки.

Обувь кожаная, черная и цветная, модных фасонов.

Обувь брезентовая, скороходы, сандалии.

Непромокаемая одежда, брезентовая, резиновая, вискатиновая, дамские и детские цветной материи непромокаемые накидки.

Каракулевые и меховые шкурки и воротники.

Перчатки мужские, дамские и детские, летние фельдекосовые, лайковые, замшевые, зимние вязаные, лайковые, замшевые на байке и на меху.

Рукавички, перчатки кучерские, кушаки, шарфы.

Сорочки, галстуки, кашне, запонки, помочи, пояса, гребенки, бумажбелье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.